

I 1948 №
105

1948
№ 51
105

912
Сборная...
Л. Б. ...
МЕСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Изд. № 2335

О ФИНЛЯНДСКОЙ

КАРЕЛИИ.

Смолянинов. В.

ГЕЛЬСИНГФОРСЬ.
Тип. „Финляндской Газеты“.
1912.

ПРОВЕРЕНО 1939 г.

1978 г.

№ 101

О финляндской Карелии.

(Докладъ въ общемъ собраніи Финляндскаго Отдѣла Императорскаго русскаго военно - историческаго общества 28-го марта 1912 г.)

Ваше Высочайшее Превосходительство,
Милостивые Государы.

Весь смыслъ первыхъ восьми вѣковъ русской исторіи, какъ извѣстно, заключался въ стремленіи найти выходъ въ Балтійское море. Поэтому и та древнерусская часть нынѣшней Финляндіи, которая носитъ названіе Карелии, была постояннымъ театромъ упорной борьбы нашихъ предковъ за сохраненіе этой сѣверо-западной окраины своей. Недаромъ съ тѣхъ поръ, какъ появились у насъ лѣтописи, она всегда называлась собственностью Руси, незавоеванною у другого народа, а какъ бы исконною, самобытною, и въ этомъ никогда не сомнѣвались прежде ни мы, ни наши враги.

Еще первый князь русскій Рюрикъ въ 862 г. сѣлъ первоначально въ Ладогѣ, при устьѣ Волхова, почти напротивъ того мѣста, гдѣ находится древнерусское селеніе Слама, т. е. Солома, нынѣ Салмисъ. Въ 1042 и 1124 г. г. русскіе вмѣстѣ съ карелами воевали въ Тавастландіи, а подъ 1142 г. о всей Карелии говорится какъ о части владѣній Новгорода: «Совокупися вся

волость Новгородская: Плесковичи, Ладожане, Карела». Въ 1178, 1191, 1227 и 1292 г. г. новгородцы вмѣстѣ съ карелами дружно выступали противъ финновъ и шведовъ. Въ 1187 г. русско-карельскій флотъ взялъ приступомъ шведскій городъ Сигтуну (нынѣ Стокгольмъ) и въ даръ новгородскому храму Св. Софіи привезъ оттуда знаменитыя царскія врата, доселѣ сохранившіяся. Въ 1241 г. карелы находились въ нашихъ рядахъ при разбитіи шведовъ Александромъ Невскимъ. Въ 1198 г. и 1318 г. новгородцы вмѣстѣ съ карелами сожгли Або, въ 1284 г. разбили нѣмцевъ, поднявшихся вверхъ по Невѣ, а въ 1302 г. съ огнемъ и мечомъ прошли Финляндію вплоть до норвежской границы.

Борьба Новгорода со Швеціей изъ за свободнаго выхода въ море кончилась Орѣховскимъ миромъ 1323 г., оставившимъ за Русью значительную часть нынѣшнихъ Выборгской и Куопіоской губ. и немалую долю С.-Михельской и Улеоборгской. Вся приладожская Карелія по этому миру осталась за нами. Но военныя дѣйствія, съ большими или меньшими перерывами, продолжались вплоть до несчастнаго для насъ Столбовскаго мира 1617 г., по которому измученная междуусобіемъ Россія уступила Швеціи и Финскій заливъ, и Неву, и половину Ладожскаго озера, и всю Карелію.

Дальнѣйшіе этапы войны и мира хорошо извѣстны и не заслуживаютъ изложенія, тѣмъ болѣе, что такъ недавно 200-лѣтній юбилей завоеванія Выборга далъ намъ случай вновь мысленно пережить всѣ эти событія.

Итакъ, въ теченіе 800 лѣтъ Карелія поливалась русской кровью, видѣла рядъ достопамятныхъ битвъ, переживала ужасы вражескихъ набѣговъ, раз-

рушеній и пожаровъ.) Вообще она заслуживаетъ самаго усерднаго изученія со стороны нашего Общества, ставящаго военную исторію Россіи на первое мѣсто. Я же буду счастливъ, если, хотя немного, заинтересую достопочтенное собраніе этою родною намъ странною, изложивъ въ самомъ сжатомъ видѣ впечатлѣнія своихъ пяти путешествій по ней и тотъ печатный матеріаль, который собранъ мною за полтора года службы въ Финляндіи.

Такъ какъ литература о финляндской Кареліи на русскомъ языкѣ ничтожна, и, кромѣ полезнѣйшаго труда Крохина «Исторія карель», нѣтъ ни одной книги, специально ей посвященной, то этотъ матеріаль заключается главнымъ образомъ въ извлеченіяхъ изъ финляндскихъ источниковъ и въ вырѣзкахъ изъ русскихъ газетъ, особенно изъ «Россіи» и еще болѣе изъ «Финляндской Газеты», значительно облегчившей мнѣ знакомство съ этою окраиною. Очень много я обязанъ въ дальнѣйшемъ изложеніи интереснымъ статьямъ Ушкуйника, Ловатинскаго, Нѣгина, Шекснина и Ладогина, ведущихъ настойчивую и смѣлую борьбу съ панфиннистами и отмѣчающихъ всѣ ихъ лукавыя ходы.

Въ предѣлахъ Выборгской и отчасти Куопіоской губерній, по западному и сѣверному берегамъ Ладожскаго озера, среди дремучихъ лѣсовъ, расположенъ старинный русскій край, называвшійся прежде карельскимъ уѣздомъ по имени города Карелы (нынѣшняго Кексгольма), который былъ его административнымъ центромъ. Какъ уже упомянуто выше сего, еще на зарѣ нашей исторіи этотъ край принадлежалъ Великому Новгороду, составлялъ его такъ называемую Водскую (отъ

множества озеръ) пятину и одно время управлялся особыми князьями, которымъ, кромѣ Карелы, давались въ кормленіе городъ Орѣховець (Шлисельбургъ) и села Сердобольное (теперь Сортавала, по-русски Сердоболь), Княжево (Кязняжи), Коренное (Коринойя) и Оружное (Оружьярви). Новгородцы еще въ 11-мъ вѣкѣ колонизовали Карелию и распространили въ ней православную вѣру, такъ что, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ первой половинѣ 13-го вѣка язычниковъ уже не оставалось тамъ болѣе. Карелы тѣмъ охотнѣе воспринимали русскую культуру, что послѣдними изъ урало-алтайскихъ племенъ пришли въ нынѣшнюю Финляндію и въ теченіе почти трехъ столѣтій пробирались черезъ гущу славянскихъ племенъ, значительно привыкнувъ къ послѣднимъ и весьма многое заимствовавъ отъ нихъ. Благодаря тому же, карелы и духовно были одарены гораздо богаче другихъ финновъ. Какъ извѣстно, «Калевала» записана именно среди кареловъ.

Къ концу 16-го вѣка описываемый край былъ уже совершенно русскимъ: въ немъ насчитывалось нѣсколько монастырей и много православныхъ приходовъ; тамъ были помѣстья русскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ: лишь въ двухъ приходахъ упоминается 40 помѣщичьихъ дворовъ; повсюду господствовалъ русскій языкъ. Смѣшеніе съ новгородцами и православная вѣра внесли въ обиходъ карела русскіе обычаи и обряды, а также русскій укладъ жизни, затѣмъ примѣты, по вѣрью, фамиліи, способъ постройки жилищъ, одежду. Во время своихъ продолжительныхъ поѣздокъ по Карелии, я, въ качествѣ археолога, долженъ былъ прійти къ заключенію, что древне-русскій бытъ сохранился тамъ въ болѣе

чистомъ видѣ, чѣмъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ. Но важнѣе всего, что весь складъ возрѣній карела носитъ глубоко православный характеръ. Онъ строжайше соблюдаетъ посты, предпринимаетъ далекія паломничества по монастырямъ, заходя даже въ Кіевъ; онъ трогательно гостепріименъ, а священника встрѣчаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земнымъ поклономъ у порога избы; почитаетъ, какъ нигдѣ, родителей и стариковъ. По антропологическимъ признакамъ (могучее сложеніе, правильный овалъ и моделировка лица, болѣе темный, чѣмъ у финновъ, цвѣтъ волосъ, часто курчавыхъ, длинная борода) карелы за нѣкоторыми исключеніями почти не отличаются отъ русскихъ мужиковъ-сѣверянъ; языкъ ихъ сохранилъ въ себѣ до 30% русскихъ словъ и корней и съ литературнымъ финскимъ языкомъ имѣетъ мало общаго. Поэтому у кареловъ есть серьезныя основанія называть себя русскими и говорить, что они «русская кость, да финскимъ мясомъ поросла», особенно, если принять во вниманіе, что они восприняли много прекрасныхъ качествъ русскаго національнаго характера и освободились отъ дурныхъ свойствъ финскаго. Въ этомъ невольно сознаются и наши враги-нацѣфинисты, даже когда рѣчь идетъ о русскихъ карелахъ Архангельской и Олонецкой губерній, какъ видно, напримѣръ, изъ статей финскаго писателя Кіанто, изложенныхъ «Финляндскою Газетою» (отъ 19-го апрѣля 1911 г.).

По возвращеніи изъ русской Карелии, Кіанто останавливается въ одной финской деревнѣ. «Что за тяжелое впечатлѣніе послѣ прелестной Карелии — рассказываетъ онъ — какая непривѣтливость и грубость! Ни одинъ изъ находящихся въ избѣ не шевельнется,

ни одинъ не отвѣтитъ на привѣтствіе вошедшаго. Мужчины сидятъ съ шапками на головахъ; звуки плевковъ слышатся изъ каждаго угла; дымъ отъ трубокъ удушающій; полъ избы черенъ, мокръ и неопрятенъ; прусаки кишатъ въ щеляхъ по стѣнамъ; остатки пиши и грязная посуда валяются на столѣ. Кофейникъ черенъ, что сажа; изорванный и грязный до вонючести псалтырь лежитъ на подоконникѣ. О дорогая моя родина! И такъ во всякомъ почти безъ исключенія домѣ, хотя бы хозяинъ имѣлъ деньги въ банкѣ. Никто не скажетъ вошедшему, какъ это дѣлають въ Карелии: «Будь здоровъ, гость». Послѣ продолжительнаго и подозрительнаго молчанія кто-нибудь пробуркнетъ вопросъ: «Что новаго?», на который и отвѣчать-то не хочется».

И въ 1911 году Кіанто съ компанією былъ въ русской Карелии, и опять вынесъ такое же впечатлѣніе: «Мои спутники восхищались привѣтливостью карелъ. Ихъ добродушное обращеніе производило почти изумительное вліяніе. Какъ будто здѣсь, въ Карелии, дули совершенно иные вѣтры, чѣмъ на финляндской сторонѣ. Въ четырехъ верстахъ отсюда—Финляндія съ заплеванными, черными отъ грязи полями, съ отвратительными прусаками и съ самыми низменными взглядами на жизнь; здѣсь—Карелия съ чистыми полями, съ свѣтлыми взглядами и нравственными настроеніями». Въ самихъ отношеніяхъ молодежи, ихъ развлеченіяхъ замѣтна большая разница съ поведеніемъ молодежи въ Финляндіи. «Говоря по правдѣ, среди карельской молодежи грѣхопаденій меньше, чѣмъ среди нашей молодежи, прошедшей леру, т. е. преподававшую школу. Нравственность карельскихъ дѣвушекъ не безъ основанія

славится: вѣбращное сожителство встрѣчается крайне рѣдко».

Финскій писатель правъ: «въ Карелии дули совершенно иные вѣтры, чѣмъ на финляндской сторонѣ!» Карель вступилъ въ семью народовъ подъ сильнымъ вліяніемъ славянщины, и немало благородной славянской крови течетъ въ его жилахъ; свое міросозерпаніе онъ выработалъ на основѣ православія, которое съ древнихъ временъ не отдѣлялъ отъ Руси, получая оттуда священниковъ, никогда не мечтая объ автокефаліи своей церкви и охотно подчиняясь новгородскому владыкѣ. Общительный, привѣтливый, веселый, подвижной, откровенный, впечатлительный и богато одаренный карель настолько отличается отъ угрюмаго, флегматичнаго, недалекаго финна, что трудно даже подмѣтить какое-либо этнографическое родство между этими народцами. Правда, общность ихъ происхожденія заходитъ въ такую историческую даль, что только тысячу лѣтъ назадъ карелы и другое крупное финское племя ямъ, давшее начало финляндскимъ финнамъ, по внѣшнимъ національнымъ признакамъ не отличались другъ отъ друга. Съ тѣхъ поръ судьба ихъ была весьма различна, и даже географъ Финляндіи Розбергъ говоритъ про это слѣдующее: «Въ Карелию переселились русскіе, и тамъ произошло сильное смѣшеніе карелъ съ русскими. Карелы на финляндской сторонѣ, исповѣдывающіе православіе, являются посредствующимъ звеномъ между финляндскими карелами и русскими, болѣе, однако, приближаясь къ единовѣрцамъ своимъ въ Россіи, чѣмъ къ единоплеменникамъ—финнамъ».

Изъ списковъ хотя-бъ учениковъ нашихъ начальныхъ училищъ легко можно видѣть, что и до сихъ поръ боль-

шинство кареловъ носить русскія фамиліи, иногда звучащія глубокою древностью. Когда же одному изъ учителей финскихъ школъ, направленіе которыхъ хорошо извѣстно, случалось спрашивать родителей, почему они не именуются «прекрасными» финскими фамиліями, то получался отвѣтъ: «А потому, что мы русскіе, а не финны, и не желаемъ, чтобы насъ оскорбляли финскими фамиліями». (Laatokka 1909 года, № 24).

Тотъ же любознательный панфинистъ спрашивалъ кареловъ, почему въ ихъ церкви богослуженіе совершается не на финскомъ, а на славянскомъ языкѣ, который они называютъ русскимъ, и получилъ тотъ же отвѣтъ: «А потому, что мы русскіе и службу хотимъ слушать по-русски; финны пусть служатъ по-фински» (тамъ же). И въ 17-мъ вѣкѣ на попытки ввести финское богослуженіе они возражали въ томъ же смыслѣ: «И птица въ лѣсу поетъ на своемъ языкѣ, того же и мы хотимъ держаться въ своей вѣрѣ». (Крохинъ, Исторія карель, стр. 153).

Русскій языкъ, при постоянныхъ сношеніяхъ кареловъ съ Петербургомъ, имѣеть для нихъ и практическое значеніе; давая имъ значительный заработокъ, онъ называется у нихъ «хлѣбнымъ» языкомъ. Недаромъ какой-то финскій крестьянинъ о пользѣ русскаго языка выразился такъ, что если-бъ онъ зналъ его, то за обѣдомъ имѣлъ бы два блюда, а не одно.

Исторія полна примѣровъ преданности кареловъ русскому народу. Когда, во время безчисленныхъ войнъ за обладаніе прибалтійскимъ побережьемъ, русскимъ приходилось отступать, карелы оставляли жилища, родную землю и все свое добро и уходили въ-слѣдъ за русскимъ войскомъ. Такимъ образомъ

заселились цѣлыхъ два уѣзда Тверской губ., Бѣжецкій и Вышневолоцкій, гдѣ кареловъ насчитывается и нынѣ болѣе 100 тысячъ человекъ; такимъ же образомъ возникли карельскія селенія въ Новгородской, Ярославской, Тамбовской и Калужской губерніяхъ.

Во время своихъ поѣздокъ по Карелии я, наряду съ косыми взглядами финномановъ, часто видѣлъ такое радушіе и такую ласку, что не могу сомнѣваться, на чьей сторонѣ симпатіи кареловъ. Особенно ярко проявлялись онѣ при открытіи русскихъ училищъ, и сколько благодарностей я наслушался тогда! Крестьяне говорили, что русскую школу они принимаютъ, какъ «даръ Божій»; во время народнаго гимна многіе становились на колѣна передъ портретомъ Государя; подъ училищныя зданія въ нѣкоторыхъ деревняхъ жертвовали землю. Напротивъ, финская школа часто встрѣчалась недоброжелательно, какъ свидѣлствуютъ сами финскія газеты. «При открытіи первой финской школы въ Салмѣ—писала «Laatokka» въ 1905 г.—крестьяне хотѣли воспрепятствовать этому на томъ основаніи, что большая часть населенія прихода исповѣдываетъ православіе, почему въ финской школѣ и нѣтъ никакой надобности». «Общины пограничной Карелии, одна за другой, лучше соглашаются на уплату значительныхъ штрафовъ, чѣмъ на содержаніе финскихъ школъ», — признавалась «Helsingin Sanomat» въ 1909 году. «Родители-шузеры взяли дѣтей изъ финской школы и помѣстили въ русскую. Мы слышимъ, что въ первой только 6—7 учениковъ, а въ русской многіе десятки. Развѣ не прискорбно видѣть наши школы пустующими, какъ только появляется въ деревнѣ чуждая школа? Развѣ не больно это намъ, проникнутымъ

патріотическою любовью?» — восклицаетъ «Laatokka», въ № 120, за 1911 г. «Въ Лепясюрской финской школѣ, существующей уже 15 лѣтъ, осталось только 30 учениковъ, какъ только нынѣшнею осенью открылась тамъ русская школа. Мужички рѣшили на своемъ собраніи просить о постройкѣ собственнаго дома для русской школы. Каждый изъ нихъ рѣшилъ тогда не отдавать ни одного ребенка въ финскую школу», плачется та же газета въ № 145, за 1911 г.

Приобрѣтя немало друзей среди кареловъ и часто встрѣчая большую откровенность съ ихъ стороны, я замѣчалъ въ нихъ не только нелюбовь, но какъ бы и отвращеніе къ финнамъ, доходящее до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ имъ подають ѣсть изъ особой посуды.

Приведу одинъ изъ разказовъ, записанныхъ въ Карелии. Когда-то, въ старину, небольшой финскій отрядъ прибылъ въ карельскую деревню, лежавшую на рѣкѣ, обильной порогами. Ограбивъ жителей и убивъ многихъ изъ нихъ, финны потребовали дать имъ лодки и проводить внизъ по теченію рѣки. На каждой лодкѣ было по одному карелу въ качествѣ кормщика, за весла же сѣли солдаты. Доѣхавъ до перваго порога, карелы начали постепенно, одинъ за другимъ, спускаться въ него, при чемъ каждый кормщикъ, ставъ на ноги подъ предлогомъ лучше видѣть порогъ, направлялъ въ него лодку возлѣ самого берега. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сила теченія уже настолько захватывала лодку, что остановить ее было нельзя, онъ ловкимъ прыжкомъ выскакивалъ на берегъ и скрывался въ лѣсу, а лодка, подхваченная стремительнымъ теченіемъ, исчезала безслѣдно въ водоворо-

тѣ. Такимъ образомъ, одна за другою, были спущены, всѣ лодки съ сидѣвшими въ нихъ финнами, и ни одинъ изъ нихъ не спасся.

Въ смутное время шведы захватили Карельскій уѣздъ, вмѣстѣ съ нынѣшнимъ Петербургскимъ краемъ, и по Столбовскому миру 1617 г. царь Михаилъ Федоровичъ принужденъ былъ уступить эти области Швеціи. Всѣ монастыри въ Карелии, въ томъ числѣ Валаамскій и Консвецкій, были разорены, русскіе помѣщики, которыхъ насчитывалось немало еще въ 16-мъ вѣкѣ, удалились въ Россію вмѣстѣ со множествомъ кареловъ. Но даже и въ эти времена, несмотря на то, что оставшееся населеніе стало насильственно обращаться въ лютеранство, православіе и русскій языкъ держались очень прочно, и вновь распѣли, когда, 90 лѣтъ спустя, Петръ Великій возвратилъ Россіи это древнее ея достояніе.

О томъ, въ какой степени карелы уже въ 17-мъ вѣкѣ разнились по языку отъ своихъ соплеменниковъ, говорить лучше всего то обстоятельство, что Густавъ-Адольфъ не нашелъ лучшаго средства къ олютераниванію ихъ, какъ основать въ Стокгольмѣ славянскую типографію и обѣщать русскимъ православнымъ священникамъ денежные награды за распространеніе ея изданій въ карельской средѣ. Подобныя же награды выдавались и тѣмъ изъ поставленныхъ въ каждый православный приходъ пасторовъ, которые могли произносить проповѣди на русскомъ языкѣ.

Не ясно ли, что шведамъ приходилось тогда имѣть дѣло не съ поверхностнымъ наслоеніемъ русскаго вліянія, а съ чѣмъ-то болѣе похожимъ на естественное слияніе кареловъ съ рус-

скимъ народомъ? (Б. Т-ий, Финляндская Газета, 1911 г., № 178).

Въ статьѣ Чумикова «Русскіе землевладѣльцы въ Старой Финляндіи» (Русскій Архивъ 1893 г., № 2) указано, сколько имѣній, и какія именно въ провинціяхъ Выборгской и Кексгольмской были пожалованы съ 1710 г. русскимъ служилымъ людямъ. Ихъ насчитывалось болѣе восьмидесяти, при чемъ помѣщики нерѣдко переводили туда крестьянъ и этимъ еще болѣе усиливали русскій элементъ въ такъ называемой Старой Финляндіи. Даже православные монастыри владѣли здѣсь обширными землями. Такъ, Александро-Невской лаврѣ до 1764 г. принадлежали кирхшпили, т. е. мѣстечки, Сердоболь, Импилахти и Шуйстама. Кромѣ того, немало казенныхъ земель въ Выборгской губерніи отдавалось въ аренду, какъ «помощь и награжденіе служащимъ отечеству», при чемъ указомъ, отъ 12-го ноября 1796 г., было повелѣно давать въ аренду, ставя въ уваженіе доброту земли, оберъ-офицерамъ до 8 манталей, штабъ-офицерамъ, полковникамъ и бригадирамъ до 18, высшимъ классамъ до 25. Манталь равняется 200—400 десятинамъ, смотря по качеству земли.

Такимъ образомъ многострадальная Карелія опять была приобщена къ Россіи, что продолжалось на этотъ разъ ровно 100 лѣтъ, когда для нея неожиданно наступилъ новый періодъ офиненія. Въ 1811 г., ради удобствъ управленія, Выборгская губернія была присоединена къ «Великому Княжеству Финляндскому», и съ тѣхъ поръ мѣстные сепаратисты поставили своею задачею слить ее съ остальною Финляндіею. Для этого они не щадили и не щадятъ никакихъ усилий, съ обычнымъ двуличіемъ выставляя всюду законность и скрывая свою настоящую

цѣль. Прежде всего было уничтожено русское землевладѣніе въ Кареліи, и всѣ земли у русскихъ помѣщиковъ были очень ловко скуплены финляндскою казною, которая специально для этого сдѣлала въ 1860-ыхъ годахъ заграничный заемъ. Затѣмъ были приняты мѣры, чтобъ остановить успѣхи русскаго просвѣщенія и замѣнить его финляндскимъ, такъ что ко времени генералъ-губернаторства Н. И. Бобрикова въ краѣ не осталось ни одной русской школы, а еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда о финскихъ школахъ не было и помина, лѣсопромышленники Громы содержали здѣсь русскія училища въ пяти селеніяхъ, а въ Сердоболѣ процвѣтало на средства петербургскихъ богачей Елисеѣвыхъ русское училище со столь обширнымъ курсомъ, что поставляло учителей для Финляндіи.

Вмѣстѣ съ финскимъ школьнымъ учителемъ незамѣтно пробрался въ Карелію его постоянный спутникъ— пасторъ, и изъ 13 карельскихъ православныхъ приходоу уже въ четырехъ, а по другимъ свѣдѣніямъ въ семи, теперь господствуетъ лютеранство.

Какъ указываетъ извѣстный знатокъ Кареліи Крохинъ, въ настоящее время на сѣверо-западныхъ берегахъ Ладожскаго озера слѣды русскаго вліянія уже стерты, и вся ярость финномановъ съ восьмидесятихъ годовъ минувшаго столѣтія обратилась на сѣверо-восточные берега, на приходы съ чисто-православнымъ карельскимъ населеніемъ.

Когда-нибудь въ другой разъ, съ разрѣшенія Г. Предсѣдателя, я разскажу вамъ подробнѣе, съ фактами и цифрами въ рукахъ, о панфинско-лютеранскомъ походѣ на нашу православную Карелію, о безчисленныхъ уловкахъ сепаратистовъ,

съ которыми намъ приходится бороться, о цѣломъ рядѣ случаевъ противодѣйствія русскому влиянію и русской школѣ, чему я самъ былъ очевидецъ. Теперь упомяну лишь то, что, по мнѣнію многихъ лицъ, если бы недавнее положеніе вещей осталось еще на нѣсколько десятковъ лѣтъ, духовное отторженіе кареловъ отъ православія и Россіи было бы совершившимся фактомъ. Между тѣмъ карельское населеніе Финляндіи превышаетъ числомъ русское (не считая войскъ), оно зажиточно, предприимчиво, вліятельно среди поселянъ и еще недавно ненавидѣло финновъ - тавастовъ и ихъ «люторскую ересь». Поэтому потерять во враждебной Финляндіи нѣсколько десятковъ тысячъ приверженцевъ Россіи было бы большимъ ущербомъ для нашей государственности. А мы ихъ непременно потеряли бы, если бы остались по-прежнему безучастными свидѣтелями феянизаціи молодого поколѣнія кареловъ. «Не давайте намъ отцовъ—говорили иезуиты—дайте лишь дѣтей, и народъ будетъ нашъ». Финская же школа не менѣе иезуитской искусна въ достиженіи своихъ цѣлей, и не только карелы, но и русскіе, прошедшіе черезъ нее, уже не отдають своихъ дѣтей въ русскія училища, уже дѣлаются родной землѣ несвоеземцами.

Къ счастью, благодаря дальновидности незабвенной памяти ген.-адъютанта Бобрикова, въ противовѣсъ финскимъ школамъ стали основываться русскія училища: съ 1900 по 1904 г. ихъ открылось шесть и съ 1906 по 1908 г. то же количество; затѣмъ съ осени 1910 года по осень 1911 года послѣдовало учрежденіе въ Выборгской губ. 11-ти новыхъ министерскихъ училищъ и нѣсколькихъ частныхъ.

Къ сожалѣнію русская школа верну-

808 И 211

лась въ Карелію слишкомъ поздно, когда предупредительные панфиннисты уже захватили большинство важнѣйшихъ позицій, и финское просвѣщеніе успѣло настолько укрѣпиться, что русская культура тамъ почти исчезла, православіе пошатнулось, русскій языкъ наполовину вышелъ изъ обращенія и замѣнился финскимъ, симпатіи къ Россіи стали исчезать, особенно въ молодомъ поколѣніи. Это тѣмъ болѣе пригорбно, что финскія школы могли учреждаться и развиваться среди кареловъ только потому, что тамъ не было русскихъ училищъ. Въдь даже въ труппахъ Кареліи, напримѣръ, въ Шуйстамѣ, въ 1866 г., по заявленію прихода, большинство знало русскій языкъ. Нечего и говорить про ея болѣе населенные торговые пункты. Въ Кексгольмѣ (древней Карелѣ) еще въ 1866 году половина жителей была православная и говорила по-русски; вся торговля принадлежала русскимъ купцамъ. Теперь тамъ нѣтъ и потребности въ русской школѣ, финскихъ же начальныхъ школъ три, кромѣ того, частный совмѣстный лицей, народное училище для обоого пола и женская ремесленная школа.

Въ Сердоболѣ, по словамъ «Путевыхъ записокъ» Грота (1847 г.), русскій языкъ былъ еще употребителнѣе, чѣмъ въ Кексгольмѣ. Теперь Сердоболъ является цитаделью панфиннизма и уже насчитываетъ, кромѣ начальныхъ училищъ и извѣстной по своей враждебности къ Россіи учительской семинаріи, цѣлый рядъ финскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Конечно, культурному процвѣтанію какой-либо страны можно лишь радоваться; но бѣда въ томъ, что въ Финляндіи, сколько учебныхъ заведеній, столько и каедръ панфиннизма, угро-

Карело-Финская База

Академии Наук СССР

Книг. № 308

БИБЛИОТЕКА

жающихъ единству нашего государства и не желающихъ хотя бы поближе изучить его. Напримѣръ, исторія и географія Россіи проходятся лишь въ курсахъ всеобщей исторіи и географіи, при чемъ Россійской Имперіи удѣляется не болѣе вниманія, чѣмъ какой-нибудь Турціи. Русскій языкъ, правда, обязателенъ въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но въ каждомъ классѣ его бываетъ два, много три урока въ недѣлю. Не то было еще въ недавнее время. Въ сороковыхъ годахъ въ Або существовала частная гимназія Бьеркенгейма, въ которой обучались дѣти изъ лучшихъ финляндскихъ семействъ, и вотъ что рассказываетъ о ней бывший воспитанникъ («Ома таа», стр. 215—217): «Русскій языкъ занималъ господствующее положеніе не только среди предметовъ преподаванія, но и во всей внутренней жизни нашего учебнаго заведенія. Между собою мы могли говорить послѣ уроковъ лишь по-русски. Мы учились также декламировать и пѣть русскія или переведенныя на русскій языкъ стихотворенія, напримѣръ, отрывки изъ сагъ Фритіофа. Если бы рассказы прапорщика Столя появились къ этому времени, то мы, навѣрное, разучивали бы и ихъ на русскомъ языкѣ и по-русски пѣли бы «Вортъ - ландъ» и Бьернеборгскій маршъ... Очень много уроковъ было отведено на отечественную исторію, которую съ большимъ талантомъ преподавалъ самъ Бьеркенгеймъ. Впрочемъ, подѣ отечественною исторіею разумѣлось нѣчто иное, чѣмъ теперь: отечествомъ была обширная Россійская Имперія, наша же земля была лишь незначительною, нераздѣльною частью ея».

Впрочемъ, то было въ то доброе старое время, когда, вмѣсто пѣсни «Нашъ Край» Рунеберга или новаго

финскаго гимна, призывающаго къ борьбѣ съ «угнетателями», русскій гимнъ по всей Финляндіи не только исполнялся оркестрами, но въ отличномъ переводѣ пѣлся даже студентами. А теперь этого перевода нельзя разыскать во всемъ краѣ!

Когда, въ концѣ 1594 г., на берегу Наровы съѣхались шведскіе и русскіе послы для заключенія мира, и князь Туренинъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ настойчиво требовали возвращенія Карелии, то шведы отговаривались тѣмъ, что сдѣлали тамъ значительныя затраты на укрѣпленія. На это русскіе возразили, что не слѣдовало брать и тѣмъ болѣе укрѣплять чужого, «и многія жестокія разговорныя слова о Карелии съ обѣихъ сторонъ были». Но крѣпкодушные русскіе люди не уступали, и Карелия была возвращена Россіи.

Прошло 250 лѣтъ... 14-го января 1744 г. Правительствующій Сенатъ испрашивалъ, не соизволитъ ли Государыня Императрица Елисавета Петровна утвердить учрежденіе о новозавоеванныхъ въ Финляндіи провинціяхъ и изъ нихъ «сочинить вновь губернію Выборгскую для вѣчной Ея Императорскаго Величества славы и незабвенной памяти», и русская по духу Императрица положила резолюцію «Быть по сему». Она, конечно, не думала, что очень скоро ея воля будетъ нарушена, и Выборгская губернія вновь отойдетъ къ Финляндіи...

Прошло еще 150 лѣтъ, и вотъ 28-го октября 1911 г. русскій народъ, въ лицѣ своей Государственной Думы, вспомнилъ о Карелии и устами графа Бобринскаго послалъ привѣтъ карелямъ, этимъ братьямъ нашимъ по вѣрѣ и единству упованій. «Пусть этотъ

привѣтъ—сказалъ графъ Бобринскій—
будетъ лучомъ надежды на лучшіе дни,
которые, несомнѣнно, настанутъ и для
карель, когда русское и православное
народное самосознаніе въ Россіи
укрѣпится, и этотъ принципъ найдетъ
себѣ сильное и безспорное выраженіе
въ стѣнахъ Государственной Думы».
И лучъ надежды блеснулъ скорѣе,
чѣмъ ожидалось: карельская депутація
была недавно принята и обласкана
самимъ Государемъ Императоромъ.
Пусть это будетъ первою страницей
новой книги карельской исторіи, кото-
рую напишутъ наши потомки!

В. Н. Смольяниновъ.

Карело-Финская База
Академии Наук СССР
БИБЛИОТЕКА